

Третья школа-конференция по уралистике

Сборник тезисов

14-15 сентября 2022 г.

Институт языкознания РАН

Москва

Реинкарнация ижорской письменности
Агранат Татьяна Борисовна, д.ф.н., доцент, в.н.с.,
Институт языкознания РАН (Москва)

Ижорский язык получил письменность в эпоху языкового строительства, но она просуществовала недолго: в 1937 г. его преподавание в школе прекратилось, букварь [Pj̄in, Junus 1936] был изъят, а его авторы, Н.А. Ильин и В.И. Юнус, расстреляны. В настоящее время поступил запрос на создание нового ижорского букваря. Использование старого букваря в современных условиях невозможно, так как он был написан для детей, у которых ижорский язык был родным, при этом русским языком они не владели. Поскольку естественная передача ижорского языка прекратилась, сейчас не существует детей, говорящих по-ижорски. Соответственно, новое учебное пособие должно быть адресовано детям, изучающим ижорский язык, как иностранный. Кроме того, тематика текстов в [Pj̄in, Junus 1936] не вписывается в современную жизнь. Лексика старого букваря по большей части заимствована из русского языка и отражает реалии своего времени: *oktjabrenka* ‘октябренок’, *kolhosnikat* ‘колхозники’ и т.п., а также названия новых для того времени артефактов: *traktor* ‘трактор’, *sejalka* ‘сеялка’, *radio* ‘радио’ и др. Впрочем, авторы явно отдавали предпочтение заимствованиям и в тех случаях, где можно найти ижорское слово, например: *stroika* ‘стройка’. Если целью старого букваря было научить детей читать на родном языке и попутно помочь освоить заимствованную лексику, то цель нового букваря – обучить детей обиходному ижорскому языку. Таким образом, тексты и лексическое наполнение учебника необходимо изменить.

Когда впервые создается письменность, одновременно стоит задача нормирования языка. Коллектив авторов нового букваря (в числе которых – автор настоящих тезисов) предварительно решил, что при написании учебника не нужно создавать литературный язык, целесообразно основываться на существующем. Но оказалось, что алфавит, принятый в [Pj̄in, Junus 1936] не отражает фонологической системы ижорского языка: введены отдельные буквы для шипящих и свистящих, которые фонематически не противопоставлены, большинством носителей не различаются, в некоторых идиолектах являются аллофонами. При использовании в целом латинской графики имеется кириллический знак «Ъ», но слова, содержащие его, в букваре отсутствуют. Исконная лексика во многом отличается от той, которую употребляют современные носители, часто она совпадает с водской.

Таким образом, пришлось заново создавать не только учебник, но и саму письменность, которая теперь появится в новом воплощении.

Литература

Pj̄in N.A., Junus V.I. 1936 Bukvari. Ižoroin škouluja vart. M.-L., 1936.

Топонимы Тамбовской области с финалью -ляй¹
Девяткина Екатерина Михайловна, к.ф.н., с.н.с.,
Институт языкознания РАН (Москва)

Вопросам исследования топонимов на территории Тамбовской области посвящено немало работ. К одним из первых публикаций, посвященных мордовской топонимии Тамбовской области, можно отнести исследования П. Я. Горбунова [Горбунов 1962; Горбунов 1969; Горбунов 1970; Горбунов 1981] и М. Н. Морозовой [Морозова 1971], основной темой которых было изучение субстратных топонимов.

Топонимы Тамбовской области, имеющие финно-угорскую этимологию, представляют собой довольно древний пласт, тесно переплетающийся с иными, имеющими иранское, тюркское, славянское происхождение. К наиболее распространённым топоформантам относятся *-l'ej/-l'aj/-l'a* < эрз. Mar Atr VVr Sokša, *l'ij* E:Kad, мокш. *l'ej, l'äj* P Pal Šemb Ur, *l'ej* Темн 'река', 'овраг' [Paasonen 1992: 1099]. Существуют две наиболее распространённые точки зрения на этимологию апеллятива [Цыганкин 2015: 98].

Зачастую гидронимы, содержащие в своей структуре *-l'ej/-l'aj/-l'a* имеют вполне прозрачную этимологию, например:

Кевля (л.п. р. Кермись) < мокш. *k'ev*, эрз. *k'ev, k'äv* 'камень' [Paasonen 1992, с. 730] + мокш. *l'ej, l'äj*, эрз. *l'ej, l'ij* 'река' [Paasonen 1992, с. 1099],

Рысля (п.п. р. Моршевка) < рус. *ряса* Ряз 'топкое, мокрое место, мочижина' [Даль, Т4 1980, с. 126] + мокш. *l'ej, l'äj*, эрз. *l'ej, l'ij* 'река' [Paasonen 1992, с. 1099].

Апеллятивы, представленные в качестве топооснов, позволяют определить смысловое содержание гидронимов. Семантическая мотивированность топооснов гидронимов с финно-угорскими этимологиями на территории Тамбовской области обусловлена названиями географических объектов, названиями растительного и животного мира, отражением размера, формы, характера и направления течения объекта.

Ожидаемо отмечается включение мордовских топоформантов в основы русского и иного субстратного происхождения (например, *Хомутляй*), что показывает активные словообразовательные процессы тамбовской топонимии II тысячелетия н.э. Дополнительным выражением адаптации финно-угорских топонимов являлось их включение в топонимическое словосочетание с целью образования сложной тополексемы согласно русским моделям (например, *Троицкая Вихляйка, Солдатская Вихляйка*).

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-00196 «Топонимический атлас Тамбовской области».

Acknowledgments: The reported study was funded by RFBR, project number 20-012-00196 «Toponymic Atlas of the Tambov Region».

Литература

Горбунов 1962 – Горбунов, П.Я. К вопросу о топонимах Тамбовской области / П.Я. Горбунов // Вопросы краеведения в школах и педагогических институтах. Тамбов, 1962. - С. 165-175.

Горбунов 1969 – Горбунов, П.Я. Словарь топонимов и гидронимов Тамбовской области / П.Я. Горбунов // Вопросы вузовского и школьного краеведения. -Тамбов, 1969.-С. 197-199.

Горбунов 1970 – Горбунов, П.Я. Почему так называется (История названий тамбовских сел и городов) / П.Я. Горбунов // Тамбовская правда, 1970, 1 сентября.

Горбунов 1981 – Горбунов, П.Я., Дудник, Н.И. Природа Поценья в названиях поселений, рек и урочищ / П.Я. Горбунов, Н.И. Дудник // Поценье. -Воронеж, 1981.-С. 155-160.

Даль, Т4 1980 – *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 тт. М.: Русский язык, 1980. Т. 4: Р-V. 684 с.

Морозова 1971 – *Морозова М.Н.* Мордовские элементы в топонимии Тамбовской области // Ономастика Поволжья II. Горький: Держинская типография, 1971. С. 207-210.

Цыганкин 2015 – *Этимологиянь валкс / Д. В. Цыганкин, М. В. Мосин.* Саранск: Изд-во Мордовского ун-та, 2015. 224 с.

Raasonen 1992 – *Raasonen H.* Mordwinisches Wörterbuch, I-IV. Helsinki. 1990-1996.

Сибирские компоненты

в фольклоре саамов и прибалтийско-финских народов

Дувакин Евгений Николаевич, к.ф.н., н.с., Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (Санкт-Петербург)

Наша база данных по фольклору и мифологии народов мира создана как инструмент для изучения человеческого прошлого [Берёзкин, Дувакин б.г.; Berezkin 2015]. В настоящее время в ней содержатся резюме порядка 70 тыс. текстов, извлечённых из более чем 8 тыс. публикаций, и отражена дистрибуция 3 тыс. фольклорно-мифологических мотивов по 1005 традициям Старого и Нового Света. Полученные данные содержат информацию о миграциях и межэтнических контактах, которые происходили в разные эпохи и на разных континентах, и дают возможность по-новому взглянуть на многие проблемы (пре)истории, включая выход сапиенсов из Африки, заселение Америки и вопросы более поздних культурных взаимодействий в Евразии (см., напр., [Берёзкин 2021; Дувакин 2017; Berezkin, Duvakin 2016]).

Обработка десятков тысяч текстов позволила выявить в том числе группу специфических фольклорных параллелей между прибалтийско-финскими и саамскими традициями, с одной стороны, и коренными народами Сибири, с другой [Berezkin, Duvakin 2022]. В докладе будут проанализированы данные о

нескольких таких мотивах, среди которых имеются концепты, связанные с космологией и этиологией, и эпизоды трикстерского и приключенческого характера [Берёзкин, Дувакин б.г.: В42К, В42mn, В48С, В57, В64D, Н23, I130, К44, К44В, М97]. На территории Европы они встречаются крайне редко и – в большинстве случаев – только у саамов и прибалтийско-финских народов. В Сибири эти мотивы зафиксированы шире и в основном среди обских угров, самодийцев и енисейцев. Полученные сведения коррелируют с лингвистическими данными о расселении уральских народов с их прародины, а также со свидетельствами палеоантропологии и генетики о миграциях, повлёкших за собой появление компонентов сибирского происхождения в Фенноскандии и начавшихся не позднее эпохи бронзы. Одна часть обнаруженных мотивов могла проникнуть в ареал вместе с носителями финно-пермских диалектов и потенциально восходит к прауральской традиции. Другая же могла быть унаследована этими группами непосредственно в Фенноскандии от более раннего местного населения, говорившего на языках неизвестной принадлежности и исторически тоже связанного с популяциями Северной Азии. В обоих случаях речь идёт о сохранении в саамских и прибалтийско-финских традициях древних элементов, распространение которых в Европе стало результатом миграций и культурных импульсов из сибирского региона.

Литература

Берёзкин 2021 – *Берёзкин Ю.Е.* [Макроистория и большие данные в мифологии и фольклоре](#) // Шаги/Steps. 2021. Т. 7. № 2. С. 28–52.

Берёзкин, Дувакин б.г. – *Берёзкин Ю.Е., Дувакин Е.Н.* [Тематическая классификация и распределение фольклорно-мифологических мотивов по ареалам. Аналитический каталог.](#)

Дувакин 2017 – *Дувакин Е.Н.* [Прозрачные люди: ареальное распространение некоторых представлений о красоте в Старом Свете](#) // Этнографическое обозрение. 2017. № 4. С. 24–39.

Berezkin 2015 – *Berezkin Yu.* [Folklore and Mythology Catalogue: Its Lay-Out and Potential for Research](#) // Retrospective Methods Network Newsletter. 2015. No. 10. P. 58–70.

Berezkin, Duvakin 2016 – *Berezkin Yu., Duvakin E.* [The Captive Khan and the Clever Daughter-in-Law](#) // Folklore (Tartu). 2016. Vol. 64. P. 33–56

Berezkin, Duvakin 2022 – *Berezkin Yu., Duvakin E.* [Volga-Ural and West Siberian Components in the Folklore of the Sámi and the Baltic Finns](#) // Folklore (London). 2022. Vol. 133. No. 1. P. 47–72.

Корвальский говор вепсского языка: новые данные

Иткин Илья Борисович, к.ф.н., с.н.с., доцент,

Институт востоковедения РАН (Москва), Национальный
исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва)

Баикарев Андрей Альбертович, к.полит.н., доцент,

Санкт-Петербургский политехнический университет

Петра Великого (Санкт-Петербург)

Корвала – вепсская деревня на самом севере Бокситогорского района Ленинградской области. Корвальский идиом обычно определяют как говор, переходный между средневепсским и южновепсским диалектами. В работах участников лингвистических экспедиций в Корвалу 1991-1994 гг. говор Корвалы выделен в отдельный диалект вепсского языка наравне с северным, средним и южным диалектами [Иткин 2002]. Авторы недавно вышедшего "Лингвистического атласа вепсского языка" (ЛАВЯ) не согласились с мнением И.Б. Иткина и его коллег, высказавшись в пользу традиционной точки зрения [ЛАВЯ: 6, сн.].

Аргументированное решение вопроса о статусе корвальского идиома затруднено его крайне слабой изученностью. Материалы экспедиций 1990-х гг. в основном остаются неопубликованными; при подготовке "Атласа..." полевая работа в Корвале не велась [ЛАВЯ: 549]; по большинству позиций опросника ЛАВЯ для Корвалы и близлежащей деревни Чидово дается помета "нет сведений". Даже вепсское название Корвалы, по-видимому, передано в ЛАВЯ неточно: *Korval* [там же: 547, 549] вместо *Korvoil*.

В настоящее время среди жителей Корвалы вепсским языком владеет лишь несколько человек старшего поколения, так что сбор данных по корвальскому говору представляется задачей первоочередной важности. Осенью 2021 г. одним из авторов доклада была организована экспедиция в Корвалу. В качестве опросника был использован лексический раздел "Атласа..." (см. [ЛАВЯ: 572-573], позиции 31-140 первой нумерации).

В ходе работы были записаны сведения от 3 жителей Корвалы, 2 из которых (1937 и 1949 г.р.) являются ее уроженцами, еще 1 (1955 г.р.) – уроженцем дер. Чидово. Ответы на тот же опросник были записаны также от информанта 1961 г.р., уроженца дер. Макоево (Лахта), ныне проживающего в дер. Красный Бор. После обработки и анализа аудиозаписей результаты работы с информантами были представлены в виде сопоставительной таблицы.

Полученные результаты представляют значительный интерес. Во-первых, они демонстрируют сильные расхождения между информантами и заметные отличия от записей 1990-х гг. Например, слова 'лодка' и 'волна' в записях 2021 г. выступают в формах *venez* и *laineh ~ laine*, а в записях 1990-х гг. – только в "зеркальных" формах *veneh* и *lainiž*. Во-вторых, они позволяют уточнить географию распространения некоторых изоглосс. В частности, у одной из информанток значение 'грыжа' передается глагольной формой *purob* букв. 'грызет'; ранее такой способ обозначения грыжи считался исключительной

особенностью северного (!) диалекта [ЛАВЯ: 316-317]. Для понятия 'темный' 3 информанта из 4 выбрали перевод *musked*. Эта форма (преобразованная из общевепского *must* 'черный') ранее была отмечена лишь в восточных говорах – в Куе [СВЯ: 339] и Войлахте [ЛАВЯ: 420-422]. В-третьих, имеются и отдельные лексико-морфологические инновации. Так, в качестве одного из вариантов названия летучей мыши было записано слово *hirik*, отсутствующее как в СВЯ, так и в ЛАВЯ. В докладе предполагается рассмотреть и ряд других аналогичных примеров.

Литература

Иткин 2002 – Иткин И.Б. Выражение пространственно-временных отношений в именных словоформах и проблема "послеложных формантов" (на материале корвальского диалекта вепского языка) // В.А. Плуныян (ред.). Исследования по теории грамматики. Вып. 2: Грамматикализация пространственных значений в языках мира. М.: ООО "Русские словари", 2002. С. 167-182.

ЛАВЯ – Лингвистический атлас вепского языка (ЛАВЯ). Под общей редакцией Н.Г. Зайцевой. СПб: Нестор-История, 2019.

СВЯ – Зайцева М.И., Муллонен М.И. Словарь вепского языка. Л.: Наука (ленинградское отделение), 1972.

Хантыйский словарь А.М. Шёгрена: «не тот» салымский диалект?

Иткин Илья Борисович, к.ф.н., с.н.с., доцент,

Институт востоковедения РАН (Москва), Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»(Москва)

Переверзева Светлана Игоревна, к.ф.н., с.н.с., доцент,

*Российский государственный гуманитарный университет (Москва),
Институт системного программирования им. В.П. Иванникова РАН (Москва)*

В недавней статье [Тимкин 2019] рассматривается система консонантизма салымского говора хантыйского языка, отраженная в рукописном словаре А.М. Шёгрена [DSKh]. Салымские данные Шёгрена (далее – СалШ) сопоставляются с данными по салымскому диалекту из "Словаря восточнохантыйских диалектов" Н.И. Терешкина [Терешкин 1981] (СалТ).

Важную роль для решения вопроса о соотношении между СалШ и СалТ играет отражение в двух рассматриваемых словарях прахантыйских **ɣ* и **w* в позиции после гласного первого слога (необходимость различения в этой позиции **ɣ* и **w* в прахантыйском убедительно обоснована в работе [Живлов 2007]). В СалТ "в срединной и конечной позициях может фиксироваться и *ɣ*, и *ɣ*^o, и *w*, и различные виды их вариативности" [Тимкин 2019: 112]; в СалШ, согласно Т.В. Тимкину, "на месте заднеязычного щелевого находим *g* или *ch*", "[н]а месте *ɣ*^o и *w* <...> находим *g*, *ch*, <...> *w* или *u*" [там же].

На наш взгляд, данные СалШ в этом пункте должны интерпретироваться иначе – с опорой не на СалТ, а на прахантыйский, а именно:

– прахантыйское **γ* отражается в виде *g*, *gg* или *ch*: ср., например, СалШ *pach* ‘мальчик, сын’, казымск. *põχ* при финск. *poika* и т.д.; СалШ *jäga* ‘река’, казымск. *jĩχĩ* при финск. *joki* и т.д.;

– прахантыйское **w* отражается в виде *w* или *u*: ср., например, СалШ *keu* ‘камень’, казымск. *kew* при финск. *kivi* и т.д.

Написания *g*, *gg* и *ch* не соответствуют западнохантыйскому расщеплению рефлексов **γ* на *χ* vs. *γ* ~ *j* ~ *w*, а, вероятно, находятся в "собственно-шёгреновском" попарном позиционном распределении:

графема	-V_V	-V_C	-V_#
g	passim, кроме 1*	2*	_____
gg	1*	_____	1*
ch	_____	passim, кроме 2*	passim, кроме 1*

1* = после верхних в палатальном окружении

2* = после верхних перед сонорным

Написания *w* и *u* на месте *w*, по-видимому, также позиционно распределены.

Иными словами, СалШ не демонстрирует характерного для СалТ смешения **γ* и **w* в ряде позиций, отчасти сближающего салымский диалект с восточнохантыйскими, где эти согласные совпали [Живлов 2007: 79], а непосредственно отражает празападнохантыйское состояние (в этом отношении тождественное прахантыйскому).

Если учесть, что, помимо этого, СалШ демонстрирует последовательный переход анлаутного **k*- в *ch*- [x] перед исконно заднерядными гласными, свойственный западнохантыйским диалектам, но отсутствующий в СалТ [Тимкин 2019: 110-112], следует признать, что салымский говор, отраженный в словаре А.М. Шёгрена, не просто не является непосредственным предшественником диалекта, отраженного в словаре Н.И. Терешкина, но и существенно отличается от него по месту в классификации хантыйских идиомов. Если салымский диалект, известный по записям конца XIX – сер. XX в., рассматривается либо как восточнохантыйский, либо (чаще) как имеющий смешанную природу, то СалШ стоит значительно ближе к западнохантыйским идиомам, а возможно, просто входит в их число.

Литература

Живлов 2007 – Живлов М.А. О рефлексах финно-угорских **-k*-, **-γ*- и **-w*- в обско-угорских языках" // Конференция по уральским языкам, посвященная 100-летию К. Е. Майтинской. Москва, 12-16 ноября 2007 г. Тезисы. Российская академия наук. Институт языкознания. М., 2007. С. 79-80.

Терешкин 1981 – Терешкин Н.И. Словарь восточнохантыйских диалектов Л., 1981.

Тимкин 2019 – Тимкин Т.В. Отражение консонантизма салымского диалекта хантыйского языка в графической системе словаря А.М. Шегрена // Урало-алтайские исследования. 2019, 4 (35). С. 107-118.

DSKh – Dictionary of Salym Khanty (archives of RAS, St. Petersburg) // <http://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/1827/6/perspective/1827/7/view>.

**Горномарийский язык в семье и школе
(по данным языковых биографий представителей
марийской диаспоры московского региона)**

*Куцаева Марина Васильевна, к.ф.н., н.с.,
Институт языкознания РАН (Москва)*

В докладе будут представлены некоторые результаты социолингвистического обследования, проведенного автором в марийской диаспоре московского региона в 2019–2021 гг. Один из аспектов исследования касался описания языковых биографий респондентов с целью получить более детальную фоновую информацию относительно актуального использования ими этнического языка.

В анализ языковых биографий включены следующие блоки: внутрисемейное общение, дошкольное воспитание, школьное обучение (язык или предмет обучения), дальнейшее образование. Установлены каналы освоения респондентами русского языка (в случае уроженцев сельской среды) и марийского (городских жителей).

Доклад состоит из двух частей. В первой части будут вкратце освещены основные периоды языковых биографий респондентов-горномарийцев в выборке и проведен сопоставительных анализ этих данных с результатами, полученными нами ранее при изучении лингвистических биографий другой части респондентов – уроженцев районов распространения лугового марийского языка в Республике Марий Эл.

Во второй части будут рассмотрены и проанализированы архивные материалы из фондов ГБУ «Государственный архив Республики Марий Эл» об изучении горномарийского языка в общеобразовательных организациях Республики Марий Эл с 1960 по 2002 гг. (охват когорт в выборке), а также сводный отчет о динамике изучения языков в РМЭ за 2000-2018 гг. Анализ предоставленных автору материалов позволил, с одной стороны, обеспечить полноту и достоверность исследования, с другой стороны, проследить динамику преподавания горномарийского и лугомарийского в сопоставительном аспекте.

**Вепское наследие в субстратной топонимии Белозерья
(на материале озерной гидронимии)**

Макарова Анна Андреевна, к.ф.н., с.н.с.,

Уральский федеральный университет (Екатеринбург),

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Москва)

Белозерье – историко-географическая область на севере России, включающая в себя территорию Белозерского уезда в границах XIV в. Территория известна большим количеством озер, около 50 % которых имеют нерусские (и неславянские) названия. Некоторые из них имеют субстратные названия финно-угорского происхождения, преимущественно прибалтийско-финские. В ходе исследования мы попытаемся выявить те названия, которые имеют подтвержденные аналоги в вепской лексике или в вепской топонимии соседних областей (Республика Карелия, Ленинградская область).

Основным источником топонимического материала послужила база данных Топонимической экспедиции Уральского университета, для сопоставления привлекались топонимические своды по ряду территорий Карелии и Ленинградской области. Кроме того, учитывались лексические данные «Словаря вепского языка», а также новые данные «Атласа вепского языка», вышедшего в 2019 г. В ходе анализа прослеживается ареальное распределение топонимов, предположительно имеющих вепское происхождение, и выявляются пути адаптации вепских топонимов в русскоязычной топонимической системе.

Будут обсуждаться четыре типа топонимов вепского происхождения: 1) собственно вепские топонимы Бабаевского района; 2) полукальки, образованные от исконно вепских топонимов, широко распространенные в Бабаевском районе, Вытегорском районе и Белозерском районе; 3) субстратные топонимы, имеющие аналоги в вепской лексике или ономастике; 4) некоторые топонимы неясного происхождения.

Предположительно вепские топонимы охватывают территорию северо-западного Белозерья, также некоторые редкие аналоги обнаруживаются в юго-восточном Белозерье. Основными границами распространения топонимов вепского типа на востоке можно считать реку Ковжу на севере и реку Шексну на юге.

Основная задача этой части исследования – найти специальные маркеры, которые помогут выделить топонимы вепского происхождения в общей массе прибалтийско-финских. Это могут быть лексемы, которые не имеют точных аналогов в других прибалтийско-финских языках или имеют явно иной фонетический облик.

**Словари марийского языка нового типа:
принципы составления, структура и содержание**

Митрускова Анжелика Ананьевна,

зав.отд. инновационного развития марийского языка и культуры

ГБУ культуры Республики Марий Эл

«Республиканский центр марийской культуры» (Йошкар-Ола)

В целях сохранения родных языков в Республике Марий Эл предпринимается комплекс мер с использованием современных технологий. Так, в рамках республиканского плана к 100-летию Республики Марий Эл в 2018–2020 гг. был подготовлен Национальный корпус марийского языка в количестве 20 млн. словоупотреблений, созданы информационно-поисковая система corp.marnii.ru и mari-lab.ru.

«Словарь сравнений марийского языка» (2019) и «Словарь эпитетов марийского языка» (2022) – это словари нового типа, составленные на основе Национального корпуса марийского языка.

Составители словарей, Любовь Алексеевна Абукаева, Андрей Валерьевич Чемышев и Анжелика Ананьевна Митрускова, ставили перед собой несколько задач: 1) представить марийский язык в его своеобразии, яркости, богатстве; 2) продемонстрировать возможности Национального корпуса марийского языка в области лексикографии; 3) в достаточной полноте продемонстрировать мастерство марийских мастеров слова; 4) обеспечить всех, кто пишет на марийском языке и изучает его, экспрессивными средствами в целях совершенствования творческих способностей и развития языковой интуиции.

Способы сбора и первичной обработки материала обеспечили его репрезентативность. Выборки составлены А.В. Чемышевым с помощью корпус-менеджера AntConc из Национального корпуса марийского языка. А.А. Митрусковой осуществлена первичная обработка материалов и снята грамматическая омонимия. Отбор иллюстраций из всего оставшегося объема материалов, их перевод и дальнейшую обработку, работу по составлению словарей осуществила Л.А. Абукаева. На завершающем этапе работы проверку орфографии провел А.В. Чемышев, им же созданы электронные версии словарей.

В «Словаре сравнений марийского языка» представлены сравнения из текстов марийского фольклора, произведений марийской литературы, а также текстов научно-популярного и публицистического стилей.

Заголовочные марийские слова располагаются в алфавитном порядке. Словарная статья строится следующим образом: заголовочное слово (субъект сравнения или слово, к которому относится компаративная конструкция); перевод слова на русский язык; толкование его лексического значения; иллюстрации.

В «Словаре эпитетов марийского языка» вошли народно-поэтические, общезыковые и индивидуально-авторские эпитеты. Источниками словаря послужили марийские народные песни, поэтические произведения классиков,

признанных, а также начинающих авторов. Словарную статью возглавляют эпитеты. Заголовочные марийские слова также располагаются в алфавитном порядке, например:

ВИК *перен.* прямой, правдивый, откровенный. СМ.: ВИЯШ 2. *Кўлеш годым Вик шомак вараш кўч деч серыплын керылтеи.* В. Колумб. Когда нужно, правдивое слово вонзается сильнее, чем орлиный коготь.

Словари подготовлены и изданы в рамках государственной программы Республики Марий Эл «Государственная национальная политика Республики Марий Эл на 2013–2025 годы».

Составители словарей убеждены, что эти лексикографические труды станут неоценимыми источниками изучения марийского языка.

Литература

Абукаева, Любовь Алексеевна. Словарь сравнений марийского языка / Л.А. Абукаева, А.В. Чемышев, А.А. Митрускова. – Йошкар-Ола: Издательский дом «Марийское книжное издательство», 2019. – 493 с.

Абукаева, Любовь Алексеевна. Словарь эпитетов марийского языка / Л.А. Абукаева, А.В. Чемышев, А.А. Митрускова; МарНИИЯЛИ. – Йошкар-Ола, 2022. – 408 с.

**«Превращусь в неутешное кантеле я»:
символическая роль карельского языка в Республике Карелия**
Мордасов Матвей Андреевич, стажёр-исследователь
Смирнова Анастасия Алексеевна, стажёр-исследователь
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»(Москва)

В Республике Карелия в большей части некогда карелоязычных сообществ произошёл языковой сдвиг — естественная передача языка в семье детям прервалась ещё в советские годы (Вахтин 2001; Алпатов 2000). В итоге подавляющее большинство этнических карелов младше сорока лет не могут породить речь на карельском языке, в лучшем случае являясь пассивными носителями. Живое общение на карельском языке в этих сообществах ушло из всех сфер общественной жизни. В таких сообществах претендовать на знание карельского языка и на авторитетность в вопросах этнической культуры могут только носители в «статусном возрасте» (Вахтин 2001: 259).

Тем не менее, в республике и особенно в национальных районах карельский язык всё ещё играет важную символическую роль. В Республике Карелия три района имеют статус национальных: Калевальский, Олонецкий и Пряжинский. Они получают дополнительное финансирование, в них наиболее активно ведётся деятельность по поддержке карельского языка.

По полевым данным последних лет (2019–2022) (Смирнова, Лапина 2021), карельский язык, утратив коммуникативную функциональность, остался в роли культурного атрибута идентичности (Chandra, 2012).

Некоторые жители современной Республики Карелия во многом связывают свою идентичность с регионом (Недайхлеб 2022), и таким образом, для категории (Wimmer, 2013) *карел* важным оказывается географический фактор. Заметно чаще идентичность *карел* связывается прежде всего с этничностью. Язык является наиболее очевидным маркером этнической идентичности, который значительно облегчает её конструирование (Вахтин 2001: 283). Однако этот маркер не является необходимым и единственно достаточным. В поиске своей этнической идентичности жители Карелии ищут причастность к карельской культуре и находят её через разные атрибуты. Карельский язык — лишь один из таких атрибутов, но зачастую наиболее очевидный.

Так как карельский язык не используется в качестве разговорного, а в качестве письменного имеет крайне ограниченный круг создателей и потребителей контента, в основном будет рассматриваться использование «языкового материала». Это базовая и этнически маркированная лексика, дискурсивные конструкции, формулы вежливости, цитаты из письменных произведений

Соответственно, языковой материал при крайне небольшом количестве индивидов, способных его продуцировать, должен проходить процесс легитимации. Существуют две основных группы, которые могут оценивать языковой материал на «аутентичность»: носители, достигшие «статусного» возраста, а также работники сфер культуры и образования. Зачастую последние изучали карельский язык в ходе получения высшего образования, и «статусные» носители могут расходиться с ними во мнении.

Вторая группа активно занимается проведением мероприятий, часто называемых «этнокультурными» или «этноязыковыми». Такие мероприятия довольно популярны среди локальных сообществ, сообщества способствуют их проведению. В них активно используется языковой материал, атрибутированный как «карельский».

Также атрибуты карельской идентичности, выраженные в том числе в карельских топонимах и некоторой базовой и культурной лексике, становятся частью туристических нарративов. Частотными карельскими словами называют гостиницы, фирмы и магазины, чтобы продемонстрировать связь с локальными культурными нарративами.

В Северной Карелии символический статус может приобретать и финский языковой материал. Так, улицы села Калевала украшают цитаты из финского «оригинала» одноимённого эпоса.

В рамках предмета «родной язык» карельский язык можно изучать в некоторых школах. Однако уроки практически не способствуют развитию языковой компетенции у школьников. Количество часов в неделю не позволяет преподавать язык в достаточном для освоения языка объёме, а также не хватает учителей, учебных пособий, финансирования (Пинаева 2019). Тем не менее, в

активистском сообществе эти образовательные инициативы высоко ценятся. Особую ценность среди негосударственных инициатив представляет языковое гнездо в селе Ведлозеро, существующее с 2018 г. Несмотря на усилия создательниц языкового гнезда, обеспечить погружение в языковую среду в полной мере не удаётся. Воспитанники являются пассивными носителями карельского языка.

Карельский язык, пережив функциональную смерть, остался во всех тех статусах и сферах, где продуцирование речи или общение на нём не является первостепенным. Самым очевидным маркером карельской этнической, а часто и региональной идентичности становится карельский языковой материал. Выйдя из бытовых сфер, «карельский язык» укрепляется в качестве культурного маркера — вставая в один ряд с эпосом «Калевала» и инструментом кантеле.

Литература

Chandra, 2012 – Chandra, K. (2012) *Constructivist Theories of Ethnic Politics*. Oxford University Press.

Wimmer, 2013 – Wimmer, A. (2013) *Ethnic Boundary Making: Institutions, Power, Networks*. Oxford University Press.

Алпатов 2000 – В. М. Алпатов. 150 языков и политика. 1917-2000. Социолингвистические проблемы СССР и постсоветского пространства. М.: Крафт+, Институт востоковедения РАН, 2000.

Вахтин 2001 – Н. Б. Вахтин. Языки народов Севера в XX веке. Очерки языкового сдвига. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001.

Недайхлеб 2022 – Процессы формирования региональной идентичности в Карелии: опыт социолингвистического исследования. М., 2022. (Рукопись)

Пинаева 2019 – Отношение к изучению языков коренных народов Карелии в образовательных учреждениях. М., 2019. (Рукопись)

Смирнова, Лапина 2021 – А. А. Смирнова, М. С. Лапина. Отношение к языковому сдвигу и ревитализации языков в Республике Карелия // В кн.: Альманах конференции молодых ученых института этнологии и антропологии РАН. Выпуск 2 Вып. 2. М. : ИЭА РАН, 2021. С. 45-65.

**Преподавание региональных языков в школе
в республиках Карелия и Коми в новейший период:
динамика развития и отношение к изменениям**
Олейник Дарья Алексеевна, стажёр-исследователь
Лапина Мария Светлановна, стажёр-исследователь
*Национальный исследовательский университет «Высшая школа
экономики» (Москва)*

На территории Российской Федерации одновременно существуют регионы с разными языковыми ситуациями, а языки, распространённые на территориях этих регионов, находятся на разных уровнях витальности. Так как государственным языком на всей территории России является русский, многие языки России (в том числе государственные в республиках) подвержены языковому сдвигу. Степень языкового сдвига и возможность его обращения вспять зависят от многих факторов, в том числе от отношения к языку жителей региона и носителей языка. Даже в рамках одного макрорегиона языки одной языковой семьи могут функционировать по-разному: так, на Северо-Западе России финно-угорский карельский язык, являющийся титульным языком в Республике Карелия, не имеет статуса государственного, но преподаётся в некоторых школах как в урочное время, так и факультативно (то же касается финского и вепсского языков). Коми язык, также относящийся к финно-угорской группе языков и являющийся титульным языком в Республике Коми, признан государственным и должен изучаться во всех школах Республики, но в разных форматах: как родной язык теми, кто выбрал его в качестве родного, и как государственный язык теми, кто выбрал в качестве родного языка не коми язык.

Положение языков России не всегда было таким, а последним важным изменением в языковой политике государства, по нашему мнению, было внесение поправок в федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» в 2018 году, согласно которым в качестве родного языка в школах может выбираться для изучения русский язык, а не только языки других народов РФ. После вступления новой версии закона в силу во многих регионах стало снижаться количество изучающих языки, отличные от русского, в школах. В республиках, где были установлены государственные языки, изучение этих языков было обязательным для всех учащихся, а с 2019 года вместо них стали часто выбирать в качестве родного языка русский язык: так произошло и в Коми. Так как в Карелии карельский, финский и вепсский языки не являются государственными, их изучение было обязательным только в национальных районах и национальных сельских поселениях, а с 2019 года даже в этих местах стал возможным выбор русского в качестве родного. Согласно данным, собранным в нашем полевом исследовании в Республиках Карелия и Коми в 2019–2022 годах¹, русский язык в качестве родного стали выбирать для своих

¹Экспедиции были проведены совместно с нашими коллегами из НИУ ВШЭ при поддержке фонда «Открываем Россию заново».

детей не только те родители, которые идентифицируют себя как русских, но и те, кто видит выгоду в дополнительных часах изучения русского языка, например, чтобы учащиеся лучше сдали ГИА.

Преподавание и изучение региональных языков является сенситивным и важным вопросом для многих из наших информантов. В Карелии, где карельский и вепсский языки находятся на поздних стадиях языкового сдвига, а количество полноценных носителей очень мало, отношение к изучению этих языков разнится. За обязательное изучение часто выступают те, кто эти языки преподаёт, а также люди, занимающиеся языковым активизмом: кто-то из них рос в языковой среде, кто-то осознал связь своей этничности и знания языка во взрослом возрасте, а кто-то выступает за сохранение языкового разнообразия Карелии в любом виде, считая языки безусловной ценностью. Преподаватели других предметов чаще считают, что изучение языков Карелии не должно быть обязательным или должно быть отменено вовсе, так как количества учебных часов, отведённых на родной язык, недостаточно не только для свободного владения, но и для минимальных языковых компетенций, а эти часы должны отводиться на русский язык или другие «полезные» предметы. Такой же точки зрения придерживаются и многие жители Карелии, не связанные со сферой образования: они отмечают, что язык уже «умер», а нагрузка на детей в школах чрезмерна. Выделяется ситуация с финским языком в Карелии: его признают более престижным и чаще выбирают и в качестве родного языка, и в качестве иностранного, но с 2019 года количество изучающих финский как родной также уменьшилось.

В Республике Коми, где до 2019 года коми язык должен был преподаваться обязательно во всех школах, коми язык разделили на два предмета: «родной язык» и «государственный язык». Для тех, кто выбирает в качестве родного языка русский, обязательно изучение предмета «государственный язык», где, по словам наших информантов, программа проще, чем при изучении коми как родного. Преподаватели коми языка в Ижемском районе республики отмечают, что после разделения предметов родители начали выбирать в качестве родного языка русский: и чтобы добавить часы для подготовки к итоговым экзаменам, и чтобы снизить нагрузку на детей. При этом некоторые дети выбирают «государственный язык» для сдачи ГИА в девятом классе, так как считают этот экзамен самым простым из предложенных, в то время как экзамен по «родному языку» называют сложным. Кроме этого, важно, что на территории Коми распространено несколько идиомов коми языка, например, в Ижемском районе коми-ижемский. Но по всей республике преподаётся только один вариант языка — «литературный» коми, основанный на одном из идиомов. Учителя коми языка считают, что изучать «литературный» нужно для сохранения единства в регионе и считают его более правильным идиомом, но на уроках некоторые учителя переходят на коми-ижемский, более понятный детям, знающим его с рождения. Преподаватели других предметов, как и в Карелии, высказывают мнение о том, что изучение коми языка не должно быть обязательным и создаёт дополнительную нагрузку, а некоторые считают, что вместо «литературного»

надо преподавать коми-ижемский, который действительно является родным для детей. И учителя, и жители Коми, не работающие в сфере образования, замечают, что «литературный» коми в последние годы пополняется новой лексикой и, следовательно, усложняется, так как даже родители детей не компетентны в этом предмете и не могут помогать с выполнением заданий. Более старшие жители республики также изучали в школе «литературный» язык, но считают, что в советское время и в девяностые годы он сильно отличался и был проще для носителей других идиомов коми. Некоторым жителям республики и особенно Ижемского района кажется, что изучение «литературного» коми скорее является изучением иностранного языка наравне с изучением предмета «иностранный язык» и русским языком, который для многих коми не является первым усвоенным, из-за чего на детей ложится слишком много учебных обязательств, с которыми они не справляются.

Исходя из приведённых выше мнений, можно заключить, что преподавание региональных языков в Республиках Карелия и Коми является вопросом, радикально разделяющим сообщества на части. В то время как преподаватели языков и языковые активисты, в основном изучавшие языки в университете и считающиеся интеллектуальной элитой, думают, что изучение этих языков необходимо, население республик с другими бэкграундами высказывает отличные от этого точки зрения и не считает изучение региональных языков настолько ценным, чтобы «дополнительно» нагружать детей и в некотором смысле лишать их перспектив, возникающих при перераспределении учебных часов в пользу русского языка.

Неопределённые местоимения в сойкинском диалекте ижорского языка

*Орлов Владислав Андреевич, м.н.с.
Институт языкознания РАН (Москва)*

В докладе обсуждается дистрибуция различных серий неопределённых местоимений в сойкинском диалекте ижорского языка. Показывается распределение серий неопределённых местоимений на семантической карте М. Хаспельмата (Haspelmath 1997), а также обсуждаются дополнительные особенности и ограничения, связанные с их употреблением в идиоме. Материалы для доклада были собраны автором в ходе полевой работы в Кингисеппском р-не Ленинградской обл. (деревни Вистино, Горки, Пахомовка) в 2022г. Данные были получены методом элицитации у пяти консультантов, среди которых ни.

Неопределённые местоимения в ижорском до этого не были предметом специального исследования. (Лаанест 1978: 253) приводит несколько примеров отрицательных неопределённых местоимений в разделе про вопросительные местоимения. Отрицательные неопределённые местоимения рассматривались также в работе (Rozhanskiy and Markus 2017), где, однако, не обсуждаются иные классы неопределённых местоимений.

В рассматриваемом диалекте существует 3 основных серии неопределённых местоимений, которые образуются на основе вопросительных местоимений: на *-le*, на *-ikke* и *-kAA (-gAA)*.

Серия на *-le* употребляется в широком круге контекстов, где интерпретируются как конкретно-референтные ИГ в терминологии (Падучева 1985). В примере (1) демонстрируется употребление местоимения на *-le* в функции *specific known* и *specific unknown* в терминологии М. Хаспельмата. Пример (2) показывает недопустимость этой серии в контексте императива, что может свидетельствовать о их конкретно-референтном статусе: пресуппозиция существования уникального объекта, свойственная этим местоимениям, противоречит максиме количества информации Грайса (Haspelmath 1997: 45).

Местоимения на *-ikke* также имеют широкую дистрибуцию, в основном охватывая зону нереферентальных употреблений по карте Хаспельмата. Об этом свидетельствует запрет на употребление местоимения на *-ikke* в именной предикации (3). Отдельные носители допускают их употребимость в контексте *specific-known*, что, возможно, связано с тем, что граммема настоящего времени в идиоме может также отсылать к будущему времени (1б). Об этом говорит также то, что со специализированной аналитической конструкцией, выражающей будущее время, местоимения на *-ikke* становятся допустимыми (4).

Наконец, местоимения на *-kAA (-gAA)* допустимы только при отрицании, причем недопустимы употребления в контексте т.н. подъема отрицания, а также в контекстах с нисходящим следованием (5-7). Интересно, что большая часть наших консультантов допускает с этими местоимениями дублирование отрицательного глагола (8). Таким образом, возможен анализ местоимений на *-kAA* как единиц отрицательного согласования (NCI, см. (Zeijlstra 2004)).

В докладе мы постараемся представить более подробный анализ собранных материалов, который должен привести к лучшему пониманию семантики анализируемых единиц.

Примеры

(1)

a. *miä taž kene-lekänäläkän*
я здесь кто.gen-indef общаться-prs.1sg

‘{-Ты можешь подойти?} -я кое с кем разговариваю’.

б. *kenle /^hkenikke loiška-a ovvi mää avvaa*
Кто-indef кто-indef стучать-prs.3sg дверь идти.imper открывать.imper

‘Кто-то стучит в дверь. Пойди открой’.

(2) *Elä iššu ilma töö-dä paremp lue midäikke /*midäle*
proh.2sg сидеть.inf без работа-part лучше читать.imper что.part-indef

‘Не сиди без дела. Лучше почитай что-нибудь’

(3) * *taž on milain-ikke kirja*
здесь aux.prs.3sg какой-indef книга

‘здесь какая-то книга’

- (4) Kenikke kera noiže-n läkkä-mää humen
кто-indef с стать-prs.1sg говорить-nmlz.ill завтра
‘Я завтра с кем-нибудь поговорю’.
- (5) Kenkää ei tuld kluuppa-a
кто-indef neg.3sg приходит.ptcp.act.sg клуб-ill
‘Никто не пришёл в клуб’.
- (6) Joga ihmiin ken tiizi millaiz)en-ikke/*millaiženkaa
каждый человек кто знать.pst.3sg какой-gen-indef
laula-n ol-i kluubaa-ž
песня-gen быть-pst.3sg клуб-ine
‘Каждый, кто знал какую-нибудь песню, был в клубе’.
- (7) Miä en tuma č'to šiülle ken-ikke/*kenkää avittaa
я neg.1sg думать.cng что ты-all кто-indef помогать.prs.3sg
‘Не думаю, что тебе кто-либо поможет’.
- (8) Mamoi(ei) mittää ei keittäänt tänäbään meile
мама neg.3sg что-indef neg.3sg готовить.ptcp.act.sg сегодня мы-all
‘Мама сегодня ничего не приготовила нам’.

Литература

- Haspelmath, Martin. 1997. *Indefinite Pronouns*. Clarendon Press.
- Rozhanskiy, Fedor, and Elena Markus. 2017. “Negation in Soikkola Ingrian.” In *Finnish-Ugrische Mitteilungen*, 41:189–220. Helmut Buske Verlag.
- Zeijlstra, Hedde. 2004. “Sentential Negation and Negative Concord.”
- Лаанест, Арво Х. 1978. “Историческая Фонетика и Морфология Ижорского Языка.” Диссертация на соискание учёной степени доктора филологических наук, Таллин.
- Падучева, Е. В. 1985. *Высказывание и его соотнесенность с действительностью*. Рипол Классик.

Структура компаративных и эксцептивных конструкций в татышлинском удмуртском

Синицына Юлия Вячеславовна, аспирант,

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова,
Междисциплинарная научно-образовательная школа Московского
государственного университета им. М.В. Ломоносова «Сохранение мирового
культурно-исторического наследия» (Москва)

Хомченкова Ирина Андреевна, н.с., аспирант,

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Москва),
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова,
Междисциплинарная научно-образовательная школа Московского
государственного университета им. М.В. Ломоносова «Сохранение мирового
культурно-исторического наследия» (Москва)

Работа посвящена анализу компаративных (КК, ‘Даша старше Руслана’) и эксцептивных (ЭК, ‘Все пришли, кроме Руслана’) конструкций в татышлинском говоре удмуртского языка. Данные собраны в 2021 г. в с. Старый Кызыл-Яр, Ивановка и Нижнебалтачево (Респ. Башкортостан) методом анкетирования.

КК и ЭК объединены параллельным подходом к анализу структуры (см. также [Vostrikova 2019: 72]): они могут иметь фразовый или клаузалый анализ (см., например, [Bhatt, Takahashi 2011] о КК, [Polinsky 2019] о ЭК). Фразовые стандарты сравнения / исключения (*Руслан* в примерах выше) содержат структуру меньше, чем финитная клауза; клаузальные (*Я хожу в кино чаще, чем [в театр]*; *Я никуда не хочу идти, кроме как [в театр]*) структурно являются финитной клаузой, независимо от того, имеет ли финитный глагол фонологическое выражение (см. о русских КК [Berezovskaya, Nohaus 2015], ЭК [Оскольская 2014]).

В удмуртском языке выделяют два маркера стандарта сравнения: падеж *-les'* ‘gen2’ и послелог *s'arâs'* ‘о’, см. [Winkler 2001: 40], а также [Некрасова 2018] о литературном удмуртском и [Холодилова 2015] о бесермянском наречии. Единица *s'ana*, употребляющаяся в ЭК, описана в [Кельмаков 1967; Ефремов 2013]. В описании татышлинского говора [Baidoullina 2003] КК и ЭК подробно не рассматриваются. Помимо указанных выше единиц, приводятся деепричастие *č'ošatâ-sa* (сравнить-суб), управляющее инструменталисом, и заимствованный из татарского послелог *baška* ‘без, кроме’ [ibid. 62, 109].

Рассмотрим конструкции в (1)–(2). Можно предположить, что их свойства будут схожи и стратегии с *-les'* будут иметь фразовый анализ, а стратегии с *s'arâs'* и *s'ana* — клаузальный, поскольку они, в частности, могут употребляться с различными падежными формами (3)–(4). Однако *-les'* обладает таким же свойством (5). При этом ни *-les'*, ни *s'arâs'* (6) и *s'ana* не могут модифицировать финитный глагол, что затрудняет клаузальный анализ (что также отмечено для *š'arâšš'* в бесермянском удмуртском [Холодилова 2015]).

- (1) *pet'a vas'a-les' / vas'a s'arâs' d'užât(-ges)*
П. В.-gen2 В. о высокий-сmpg
‘Петя выше Васи’.

- (2) *ruslan-les' baška /ruslan s'ana van'-zâ lâkt-i-zâ*
 P.-gen2 кроме P. кроме весь-poss.3pl приходить-pst-3pl
 'Все кроме Руслана пришли'.
- (3) *mânâm vas'a-lâ s'arâs' ättä-ges звонить kar-o*
 я.dat B.-dat о часто-сmpг делать-prs.3pl
 'Мне звонят чаще, чем Васе'.
- (4) *dâšet-is' van' nâlpi-jos-lâ kâmfet s'ot-i-z, ruslan-lâ s'ana*
 учить-ptcp.act весь ребенок-pl-dat конфета давать-pst-3sg P.-dat кроме
 'Учитель дал конфеты всем детям, кроме Руслана'.
- (5) *nâlpi pun'i-jen vilka-jen-les' /vilka-les' äjbät-ges s'i-e*
 ребенок ложка-ins вилка-ins-gen2 вилка-gen2 хороший-сmpг есть-prs.3sg
 'Ребенок ест ложкой лучше, чем вилкой'.
- (6) *pet'a vas'a-len ekt-em-ez-les' / *vas'a ekt-e-les'*
 П. B.-gen танцевать-nmlz-poss.3sg-gen2 B. танцевать-prs.3sg-gen2
 /**vas'a ekt-e s'arâs' alama-ges kârž'a-Ø*
 B. танцевать-prs.3sg о плохой-сmpг петь-prs.3sg
 'Петя поет хуже, чем Вася танцует'.

В докладе мы подробно рассмотрим свойства упомянутых конструкций, а также обсудим аргументы за и против фразового анализа в случае конструкций с *-les'* и клаузуального в случае стратегий с *s'arâs'* и *s'ana*.

Условные обозначения

1, 3 — 1, 3 лицо, сmpг — компаратив, cvb — конверб, dat — датив, gen(2) — (второй) генитив, ins — инструменталис, nmlz — номинализация, pl — множественное число, poss — посессив, prs — настоящее время, pst — прошедшее время, ptcp.act — активное причастие, sg — единственное число.

Литература

Ефремов Д. А. 2013. О послеложном управлении в удмуртском языке. *Вестник Удмуртского университета. История и филология* 2. 8–15.

Кельмаков В. К. 1967. Функция и история послелога *сяна* в удмуртском языке. *СФУ* 4. 277–279.

Некрасова Г. А. 2018. Эллиптические конструкции и двойное падежное маркирование в удмуртском языке. *ЛУ* 4. 286–295.

Оскольская С. А. 2014. Конструкции с союзом *кроме* как и предлогом *кроме* в русском языке. *ALP* 2, 363–398.

Холодилова М. А. 2015. Сравнительные конструкции и иерархия доступности именных групп в бесермянском удмуртском и мокшанском. Доклад на конференции «Уральские языки: синхрония и диахрония», ИЛИ РАН. СПб, 15–16.10.2015)

Baidoullina A. 2003. Татышлинский говор удмуртского языка: фонетика и морфология. *Magistritöö, Tartu Ülikool*.

Berezovskaya P., Hohaus V. 2015. The Crosslinguistic Inventory of Phrasal Comparative Operators: Evidence from Russian. *Proceedings of FASL* 22. 1–19.

Bhatt R., Takahashi S. 2011. Reduced and unreduced phrasal comparatives. *Natural Language & Linguistic Theory* 3. 581–620.

Polinsky M. 2019. The landscape of exceptives. Handout at Chicago Linguistics Colloquium, 8.03.2019.

Vostrikova E. 2019. Phrasal and clausal exceptive-additive constructions crosslinguistically. PhD thesis, University of Massachusetts Amherst.

Winkler E. 2001. *Udmurt*. München: Lincom Europa.

Русский и церковнославянский языки в Финляндии

Турилова Мария Валерьевна, к.ф.н., независимый исследователь (Калуга)

Русский и церковнославянский языки на финских землях, входивших в разное время в состав России, были связаны с Российской империей и Русской Православной Церковью соответственно, выступали в статусе государственного литературного и официального церковного языков.

После революции 1917 г., русско-финской и Великой Отечественной войн русский и церковнославянский язык использовались в русских православных монастырях на территории Финляндии, в православных приходах Московского Патриархата, в среде эмигрантов. Интерес к русскому языку и православной культуре связан с эмиграцией первой волны (см. опубликованные в 1923 г. на финском, шведском и английском языках воспоминания о Царской Семье эмигрировавшей и жившей в Финляндии бывшей фрейлины А. А. Танеевой-Вырубовой), отнесением к Финляндии, затем эвакуацией вглубь Финляндии монахов Валаамского и двух других монастырей и основания монастыря Новый Валаам (см. «Письма Валаамского старца» (1939—1956 гг.) игум. Иоанна Алексеева), историей Линтульского женского монастыря, возможно получившей развитие в связи с присоединением бывш. Линтульского монастыря как подворья к Константино-Еленинскому монастырю, воссоединением в 1945 г. с Русской Православной Церковью Московского Патриархата Свято-Никольского и Свято-Покровского православных приходов в Хельсинки (см. послевоенные публикации в «Журнале Московской Патриархии»).

Значение русского и церковнославянского языков в Финляндии сохраняется и сегодня в связи с деятельностью Русской Православной Церкви в Финляндии и на пограничных территориях Российской Федерации (см. в журнале заседания Священного Синода № 74 от 6 октября 2017 г. сообщение Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла о Первосвятительском визите в Санкт-Петербургскую митрополию 18—19 августа 2017 г. по случаю празднования 125-летия Выборгской епархии).

**Два вида венгерского *a* в словаре Цуцора и Фогараши:
описание и попытка приложения к этимологии**
*Шаров Александр Владимирович, лаборант-исследователь,
Институт языкознания РАН (Москва)*

В венгерском академическом словаре Цуцора и Фогараши (1862—1874) [Czuczor, Fogarasi] авторы различают два основных вида *a*-краткого: т.н. *открытое / более открытое* (*nyílt / nyíltabb a*, в начертании словаря — *nyíltabb a*) и *закрытое / более закрытое* (*zárt / zártabb a*). Открытое *a* зачастую, но не везде, обозначается в словаре через *á*. В словарных статьях о характере гласной также можно узнать по приводимым дублетным формам, различными для корней с разным типом *a*.

В фонетике и словообразовании венгерского литературного языка середины XIX вѣка различение двух типов *a*, по мнению авторов, всё ещё играло значительную роль. К настоящему времени в литературном языке произошло практически полное вытеснение открытого *a* закрытым, а само различение двух типов краткого *a* стёрлось.

Приведѐм некоторые выдержки из описания и примеров краткого открытого *á*, употребление которого представляет наибольший интерес.

— Открытое *á* ([Czuczor–Fogarasi: 35]):

Не является заднерядным коррелятом для *é* (закрытого), но для открытой *e*, не должно соответствовать *o* в диалектных парах литературного языка, но должно соответствовать *e*:

kávár kever 'мешать, крутить'

gálágonya gelegenye 'боярышник'

rákottyá rekettye '1. дрок; 2. ива, ракита'

kálántyú kelentyű 'вертушок, (крутящийся) запор двери, окна, подпорка и т.п.'

В аффиксах задний/передний ряд: *á* : *ε* :

nák : *nek* 'аффикс дательного падежа'

bá : *be* 'аффикс внутринаправительного падежа'

bán : *ben* 'аффикс внутриместного падежа'

vál : *vel* 'аффикс комитатива-инструменталиса'

rá : *re* 'аффикс верхненаправительного падежа/сублатива'

Аффиксы-наращения:

ád : *ed* :

dag-ad 'набухать, надуваться', *er-ed* 'тосковать, ожидать'

ászt : *eszt* :

dagasz-t 'замешивать, раздувать', *eresz-t* 'быть в томлении, терзаться, изводиться'

át : *et* :

akar-at 'воля, желание', *ered-et* 'происхождение, причина, исток'

átág : *eteg* :

ing-atag 'шаткий, нерешительный', leng-eteg 'лёгкий, невесомый, едва заметный' ... и т.д.

с. 38: *abb, ebb*: igaz-abb, okos-abb, nyers-ebb, hüs-ebb

В глагольных аффиксах (глаголы hal/ni 'умирать'; tol/ni 'толкать, катить впереди'; kel/ni 'вставать, подниматься': *á* и *ε* :

hal-nak, tol-nak, kel-nek, ül-nek (форма 3 л. мн. ч. наст. вр. безобъект. спр.)

halt-am, tolt-am, kelt-em, ült-em (1 л. ед. ч. прошедш. вр. безоб. и об. спр.)

halt-ak, tolt-ak, kelt-ek, ült-ek (3 л. мн. ч. прошедш. вр. безоб. спр.)

hal-na, tol-na, kel-ne, ül-ne (условное наклонение 3 л. ед. ч. безобъект. спр.)

halni-a, tolni-a, kelni-e, ülni-e (личн. инф. 3Sg.)

hal-va, tol-va, kel-ve, ül-ve (деепричастия от соотв. глаголов)

В аффиксах:

a, e ; aj, ej ; at, et ; asz, esz ; aszt, eszt ; ka, ke ; atag, eteg ; talan, telen ; ad, ed ;

an, en (глагольные, напр.: patt-an 'щёлкать'); *ant, ent ; hat, het ; and, end ; dal, del ; an, en* (с прилательными для наречий: lass-an 'медленно', okos-an 'умно, разумно', szép-en 'красиво, по-красивому', ögökös-en 'навечно, постоянно'); *an, en* (модалис-эссив с числительными и связанными с ними словами: sok-an 'многие, много', három-an 'трое, втроем', nyolcz-an 'восьмером, восьмеро', keves-en 'немногие, мало кто', kett-en 'двое', öt-en 'пятеро').

В районе Дунайской излучины встречаются соответствия в виде *nér-ö / nér-é, kedv-ö / kedv-é* : *nér-e* (народ+3 л. ед. ч. притяж.), *kedv-e* (настроение+3 л. ед.ч.) — открытые в литературной норме.

— Закрытое *a (â)*:

В диалектных словах дублетах литературного языка, как правило, соответствует *o*:

baglya : boglya 'стог, копна'

falu : folu 'деревня, село'

falka : folka 'стая, свора'

kapar : kopor 'скрести(-сь), царапать(-ся), скоблить'

taliga : toliga 'телега, тачка, арба'

taszít : toszít 'толкать'

karó : kopó 'легавая собака, тж. перен. ищейка'

hamu : homu 'пепел, зола' и т.д.

Иногда соответствует *i*:

falat : filit 'кусочек, частица'

darab : dirib 'штука, кусок'

tapog : tipeg 'семенить, перебирать ногами и т.п.'

Иногда — *u*:

baglya : boglya : buglya 'стог, копна'

adu : odu : udu 'козырь'

kapar : kopor : kapor 'скрести(-сь), царапать(-ся), скоблить'

taszigál : toszigál : tuszkál 'подталкивать, толкать'

В т.н. троичных аффиксах появляются *o – é – ö* :

-szor -szèr -ször 'аффикс кратности'

-on -èn -ön 'падежный аффикс суперэссива'

-hoz -hèz -höz 'аффикс направительно-приблизительного падежа'

-om -èm -öm 'притяж. 1 л. ед. ч.'

-od -èd -öd 'притяж. 3 л. ед. ч.'

-ot -èt -öt 'виды аффикса объектного падежа для основ на согласный'

-ok -èk -ök 'виды аффикса мн. ч. для основ на согласный'

-os -ès -ös 'аффикс-квалификатив'

-oz -èz -öz 'словообр. аффикс'

-og -èg -ög 'глагол. словообр. аффикс'

-kod-ik -kèd-ik -köd-ik 'глагол. аффикс'

Глагольные личные аффиксы:

fal-ok nyel-ék ül-ök 'жру; глотаю; сажу (1 л. ед. ч. безобъектн.)'

fal-tok nyel-ték ül-tök 'жрёте; глотаете; сидите (3 л. мн. ч. безобъектн.)'

В случаях образования аккузатива с *a, e* (*nyár* 'лето'; *fal* 'стена'; *lik* 'устар. дыра, нора и т.п. '; *toll* 'перо'; *tél* 'зима'; *víz* 'вода'; *kő* 'камень'; *cső* 'труба':

<i>nyár-át</i>	<i>lik-áz</i>	<i>tel-et</i>	<i>köv-et</i>
<i>nyár-ak</i>	<i>lik-ak</i>	<i>tel-ek</i>	<i>köv-ek</i>
<i>fal-as</i>	<i>toll-as</i>	<i>víz-es</i>	<i>csöv-es</i>
<i>fal-az</i>	<i>toll-az</i>	<i>víz-ez</i>	<i>csöv-ez</i>
<i>fal-am</i>	<i>toll-am</i>	<i>víz-em</i>	<i>csöv-em ...</i>

(Т.о., надо понимать, что хоть точки над *a* не везде проставлены, парадигма образуется с открытым *á*)

Пять парадигматических соединительных гласных:

— задний ряд (*nyár* 'лето'; *bot* 'палка':

1. <i>nyár-at</i>	2. <i>bot-ot</i>
<i>nyár-ak</i>	<i>bot-ok</i>
<i>nyár-am</i>	<i>bot-om</i>
<i>nyár-ad ...</i>	<i>bot-od</i>

(В данном случае, по [Хелимский-79: 128–132], *á* <**e*, но Е.А. Хелимский пропускает *á* за отсутствием данных и даёт сразу *a=á*).

— передний ряд:

3. *helyet, helyek, helyem, helyed* (*hely* 'место');

4. *kertét, kerték, kertém, kertéd* (*kert* 'сад');

5. *kürtöt, kürtök, kürtöm, kürtöd* (*kürt* 'рог, рожок').

После основ, содержащих *á* (*ház* 'дом'; *ágy* 'кровать'):

<i>ház-at</i>	<i>ház-ak</i>	<i>ház-am</i>
<i>ház-as</i>	<i>ház-al</i>	<i>ház-acs-ka</i>
<i>ágy-az</i>	<i>ágy-ba</i>	<i>ágy-an-ként</i> (часть падеж. форманта)

Парадигмы и аффиксация вообще:

Задний ряд (*hal* 'рыба'; *tál* 'блюдо, миска с едой' *sor* 'ряд, черёд, участь'):

1. <i>halák</i>	2. <i>tálak</i>	3. <i>sorok</i>
<i>halás</i>	<i>tálás</i>	<i>soros</i>
<i>halám</i>	<i>tálam</i>	<i>sorom</i>

Передний ряд (*fej* 'голова'; *szér* 'средство и т.д.'; *pör* 'тяжба'):

4. <i>fejek</i>	5. <i>szérék</i>	6. <i>pörök</i>
<i>fejes</i>	<i>szérés</i>	<i>pörös</i>
<i>fejem</i>	<i>szérem</i>	<i>pöröm.</i>

С точки зрения этимологии случаи описанного различия видов *a* позволяют уточнить историю развития той или иной (уральской, финно-угорской, угорской) основы уже в отдельной истории венгерского языка.

В части случаев мы находим подтверждение изначальной природы согласного *á* из **a*, огубленный вариант *a* (*ǎ*) — из лабиализованных гласных (**o*, **u*).

(Здесь мы приведём лишь часть списка слов с помеченным *á*.)

Напр., по [EWU 1993]:

hál 'рыба', праурал. [**kala*], тогда как *hal-* 'умирает' — праурал. [**kola*]: wog (T) *kōl*; ostj (W) *kul*; tscher (KB, U, B) *kol*; mord (E, M) *kal*; finn *kala*; lapp (N) *guolle*; — jur. *χālē*; jen. *kađe*; twg *kole*; selk *kəl*; kam *kola*; koib *kola*; mot *kele*; karag *kalè*; taig *kallà*.

halad 'идти, проходить, продвигаться': ostj (V) *kəʎəl-*; syrj (S) *kīlal-*; mord (E, M) *koʎge-*; finn *kulke-*; lapp (N) *gəl'gâ-*; jur *χūlā-*; selk *qūra-*; ? kam *kāl-*, *χāl-* [ural **kulke-*] *juk kelu-*, *kolu-*; korj *kule-* ? Примечание: здесь через **e*.

hall 'слышать': wog (T) *kāl-*; ostj (V) *kəl-*; syrj (S) *kīl-*; tscher (KB, U, B) *kola-*; mord (E, M) *kuʎe-*; finn *kuule-*; lapp (N) *gullâ-*; ? jur *χā*; ? selk *qō*; ? kam *ku*; <...> [fgr (? ural) **kule-*]. Примечание: здесь через **e*.

hamu 'пепел, зола': wog (T) *kōlām*; ostj (OD) *χojəm*; mord (E) *kulov*, *kuloŋ*, (M) *kulu* ... [ugr (?fgr) **kudm̄z*]. Примечание: здесь из **o*.

hasad 'давать трещину, раскалываться': wog (T) *künkaśmāt-*, *künkaśl-*, (UK) *elχaśəmāt-*, *elχaśl-* (*kün-*, *el-*: VPräf) [ugr **kaśz-*]. Примечание: здесь **á*.

hat 'глагол: действовать': Ostj (O) *χāt-*; ? syrj (S) *kut-*; ? wotj (S) *kut-*; selk *qatj-* [ural **kattz-*]. Здесь **á*, тж. *hatalom* 'власть'.

hat 'числительное: шесть': Wog (T) *kat*; ostj (V) *kut*; syrj (S, P) *kvat'*; wotj (S, G) *kwat'*; tscher (KB, U) *kut*; mord (E) *koto*, (M) *kota*; finn *kuusi* (*kuute-*); lapp (N) *gut tá* [fgr **kutte*]. Здесь **á* < **e*.

hattyú 'лебедь' Wog (T) *kota-ŋ*, (UK) *χotəŋ*; ostj (V) *kōtəŋ*, (OD, O) *χōtəŋ* [ugr **kottzŋz*] tschag *qotan*; moduig *qodan*; jak *kütän* Ung: **χotay* > **χotau* > **χotēu*. Здесь — ?через **e*.

Можно прийти к выводу, что *á* языка составителей словаря, которое в прауральском, финно-угорском или угорском праязыках выглядит, как **a*, без соответствий в виде *u, o* в прочих уральских — напрямую из *á*, иначе же — через реконструированную для инвентаря правенгерских и древневенгерских фонем Е.А. Хелимским **e*. Должно быть какое-то объяснение (новое перераспределение либо промежуточная фонема), почему неогубленное *á* XIX века в значительной части списка соответствует огубленным гласным других уральских языков.

Литература

Czuczor, Fogarasi – Czuczor G., Fogarasi J. A magyar nyelv szótára. A Magyar Tudományos Akadémia megbízásából készítették Czuczor Gergely és Fogarasi János. M. Tudom. Akad. rendes tagok. Pest: Emich Gusztav Magyar Akadémiai Nyomdásznál, 1862—1874.

EWU 1993 – Benkő Loránd et al. Etymologisches Wörterbuch des Ungarischen. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1993.

Хелимский-79 – Balcanica: лингвистические исследования. – Е.А. Хелимский. Чередование долгот, консонантный ауслаут и ударение в истории венгерских именных основ. Москва: Наука, 1979.